

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г-24

Гафаров Анвар Айратович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, e-mail: anvargafarov@mail.ru, т.: 8(927)4354236;

Галеева Мариям Арслановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, e-mail: galeeva_mariyam@mail.ru, т.: 8(903)0618087

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА И
АНТИКОЛОНИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-XX ВВ.)
(рецензирована)**

Статья посвящена изучению проблем российского колониализма в отечественной литературе. Авторы на основе историографического анализа попытались определить место понятий «колониализм» и «антиколониальное движение» в научно-исторической рефлексии. В результате они пришли к выводу о том, что концептуальная трактовка данной проблематики изменялась в зависимости от политических привходящих факторов и в целом находится в постановочной стадии.

Ключевые слова: *Российская империя, российская колониальная политика, антиколониальное движение, историографический анализ.*

Gafarov Anvar Aihratovich, Candidate of Historical Sciences, an associate professor of the Department of Domestic History of FSAEI HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, e-mail: anvargafarov@mail.ru, t.: 89274354236;

Galeyeva Mariyam Arslanovna, Candidate of Historical Sciences, an associate professor of the Department of Domestic History, FSAEI HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, e-mail: galeeva_mariyam@mail.ru, t.: 89030618087.

**PROBLEMS OF RUSSIAN COLONIALISM AND ANTI-COLONIAL
MOVEMENT IN THE DOMESTIC SCIENTIFIC LITERATURE
(SECOND HALF OF XIX - XX centuries)
(reviewed)**

The article is devoted to the study of the problems of Russian colonialism in the domestic literature. Authors attempted to determine the place of the concepts of "colonialism" and "anti-colonial movement" in scientific historical reflection on the basis of historiographical analysis. As a result, they've concluded that the conceptual interpretation of this problem varies depending on political factors and generally is in the stage of production.

Key words: *the Russian empire, the Russian colonial policy, anti-colonial movement, historiographical analysis.*

Распад Российской империи стал закономерным итогом социально-политических противоречий, подтачивавших её основы изначально. Территориальная экспансия Московского государства, начиная с середины XVI в., сопровождалась не только масштабной русской колонизацией¹, но резким обострением этноконфессиональных отношений, ростом противоречий между имперским центром и новообретёнными провинциями. Ответом на имперскую политику стало перманентное усиление национально-освободительного и антиколониального движений (подчас ошибочно рассматриваемых как тождественные)². Антиколониальное движение наряду с «инородцами» вовлекало в освободительную борьбу окраин широкие слои русских переселенцев, создавая интернациональную основу неизбежно назревающей антиколониальной революции в России.

При, казалось бы, устоявшейся определённости понятийного аппарата отечественная историография второй половины XX в., а также, во многом и современная литература вносят существенные разночтения в область ключевых теоретических подходов к пониманию поднятой проблематики. Несмотря на полноту принципиальных признаков³, прослеживается явственное стремление исключить Российскую империю из числа колониальных держав. Если до середины прошлого века подобная проблема вовсе не ставилась, то в последующем периоде термины «колонии», «колониальные владения» в отношении России постепенно перестают употребляться, заменяются на аморфное понятие «национальные окраины».

Поначалу это было сделано под давлением политических обстоятельств: в угоду идеологической конъюнктуре. Очевидно, в данный период – «скрытого колониализма» (1917-1991) идеологические концепты жёстко стояли на страже «нерушимого союза», блокируя саму возможность воззрений об имперской преемственности СССР [10, с. 22]. (Проблематика антиколониальной борьбы оставлялась для стран третьего мира, где ещё не созрели предпосылки социалистической революции.) С течением времени термин «национальные окраины» стал вполне традиционным, превратился в привычное клише, размыв представления о колониальном характере имперского строя России.

Для прояснения вопроса следует обратиться к мнению самих современников исследуемого периода. Проблемы колониальной политики («колониаторства») были едва ли не самыми обсуждаемыми российской общественностью в XIX в. Они включали широкий круг вопросов: перспектив дальнейшего расширения владений Российской империи, управления присоединёнными территориями, их колонизации, культуртрегерства, христианизации и русификации туземцев и т.д. Весьма показательна дискуссия о колониях, развернувшаяся на заседании Русского Географического общества в 1861 г. Барон Мейендорф Е.К. высказал опасения, «что благосостояние новых поселений

¹ Колонизационный поток постоянно расширялся. В XIX – начале XX в., между 1801 и 1914 г. свыше 7 млн. русских переселились в азиатскую часть страны [2, с. 244].

² Имея частично общее семантическое поле, эти понятия в целом различаются, имеют свои особенные смысловые оттенки.

³ Принудительное присоединение колоний, лишение их политической самостоятельности, их особый правовой статус, экономическая эксплуатация, колонизация, ущемление гражданских прав аборигенов, стремление большинства жителей колоний к улучшению своего положения, подавление освободительного движения и т.д.

будет способствовать отделению колоний от метрополии» [17]⁴. Ему возразил академик Бэр К.Э.; «он сказал, что отделение колоний от метрополий естественное историческое явление и что в этом никакой беды ни для колоний, ни для метрополий нет». В ходе споров великий князь Константин высказал примирительное мнение, что «Сибирь совсем не колония, это только расширение государственной территории» [14, с. 16]. Дискуссия о колониальной политике продолжилась и в дальнейшем⁵. Данная тема широко обсуждалась на страницах в периодической печати.

В XIX в. развиваются представления о радиальной структуре Российской империи: «Центр – колонизируемая Периферия» [1]. В целом официальные лица, учёные, сторонники и противники колонизаторства не отмечают принципиальной разницы между заморскими колониями западноевропейских стран (Великобритании, Франции, Голландии и др.) и владениями России на Кавказе, в Крыму или Средней Азии. Более того колониальный опыт европейских стран российскими апологетами признавался весьма полезным. Например, Ильминский Н.И., поборник инородческого образования активно ратовал за использование наработок постановки французско-арабских школ в Алжире [5, с. 6]. О недостатках российского колониального движения он писал: «Вообще у нас колонизация, особенно усилившаяся за последние годы, ведётся нехорошо. Это как бы огромный поток, с которого сняли плотину, и он понёсся неудержимо, всё затопляя и разрушая» [6, с. 220-221]. Поэтому, как подчёркивал этнограф Рыбаков С.Г., надо изучать жизнь инородцев, как это делают англичане и французы в своих колониях [15, с. 293]. При этом защитники колонизаторства едины в том, что колонизация окраин – единственный залог их развития⁶.

Колониальный опыт Англии и Франции был с очевидной заинтересованностью воспринят российскими властями. В частности в Туркестане было переведено и издано многотомное издание законов Британской Индии. Представители колониальной администрации вполне осознавали своё положение, роль и миссию. Как не вспомнить «английского сахиба», читая путевые заметки Пашино П.И. о поездке в Туркестан. Один из опытных «советчиков» настоятельно рекомендовал ему для общения с туземцами взять с собой в степи казацкую плётку: «затем, дескать, что “кулаки мои устанут ходить по широким скулам, а нагайки куда как вся эта степная шушера боится”»⁷. Не менее показательным звучит в «Среднеазиатском вестнике» (1896) утверждение о том, что за недолгие годы российского правления туземцы приучились воспринимать колонизаторов как «распорядителей и строителей» их судьбы. «Мы для них высшая раса» [12, с. 64].

Обращает внимание, что дореволюционная демократическая литература в своих оценках колониальной политики в Сибири, Крыму, Средней Азии, на Кавказе (и др.) лишена какого-либо оптимизма; с ней напрямую авторы (Ядринцев Н.М., Наливкин В.П.,

⁴ Впоследствии он высказался в газете «Век» против затрат государства на нужды Сибири [17].

⁵ На заседании Русского Географического общества 1865 г. высокие государственные сановники Левшин А.И., Валуев П.А., Соловьев Я.А., граф Муравьев-Амурский Н.Н., Милютин Д.П. и др. выступили в духе Мейендорфа Е.К.: «благоустройство новых поселений будет только способствовать отделению от метрополии, что колонии, как видно на примере Канады, рано или поздно стремятся к независимости» [17].

⁶ И если даже Крым в составе Российской империи отнюдь не процветает, то только потому, что «колонизация Крыма русскими только ещё в зародыше» [18, с. 22].

⁷ «А нагайку взяли? – спрашивал он, усаживая меня в возок. Нет? Ну поздравляю! Пеняйте на себя, без рук воротитесь» [13, с. 3].

Краснов А.Н., Потанин Г.Н., Шашков С.С., Рыбаков С.Г., Личков П.С., Абрамов Я.В., Цаликов А.Т. и др.) связывают оскуднение и даже деградацию этих регионов. Относительно российской политики в Средней Азии Логофет Д.Н. был вынужден признать, «что за 40 лет ничего не сделали в этом направлении (культурного, социально-экономического развития – А.Г., М.Г.), совершенно забыв эту огромную страну и признав её как-будто не заслуживающей никакого внимания» [11, с. 153]⁸.

В защиту прав инородцев, против колониального гнёта выступили революционно-демократические силы. Например, «сибирские областники»⁹ (Потанин Г.Н., Ядринцев Н.М., Шашков С.С., Наумов Н.И., Усов Ф.Н. и др.) рассматривали Сибирь как колонию Российской империи. Политическое, экономическое, культурное неравноправие сибирских земель показывало, что «Сибирь представляет территориальную приставку к европейской России с востока, и сибирское население не могло не чувствовать, что оно живёт вдали («в стороне») от остального русского мира ..., на отбросе»; «сношения Сибири с европейской Россией должны были представляться, как сношения с посторонним миром» [14, с. 9-10]. Вместе с тем в основе областнического (антиколониального по сути) движения лежала, по мнению Потанина, территория, областной патриотизм: «население всякой территории, особенно если оно крупное, желает не только устранить недостатки своей общественной жизни, но и вообще быть само творцом собственной судьбы» [14, с. 40].

Понимая ту «глубокую пропасть между интересами колоний и метрополий» [14, с. 21], сибирские областники в первой половине 1860-х гг. подготавливали революционное восстание с целью отделения от метрополии и создания демократической республики. Вдохновляющим примером для них была освободительная борьба Североамериканских штатов. В своём фундаментальном труде «Сибирь как колония» (1882) Ядринцев Н.М. сравнивает российскую колониальную политику с жёсткой политикой Испании в своих заокеанских владениях [20, с. 410]. Он отмечает полное бесправие российских колоний по сравнению с метрополией, отстаивает необходимость введения земств, новых гласных судов, гарантий личности, распространения образования и т.д.¹⁰ Другой автор («N») проводит аналогию с французским Алжиром, где запрещено всё, «что не приказано» [21, с. 101].

По мнению сибирских областников, колониальный статус территории решается «не смежным или отдалённым от метрополии положением страны, а тем, входила ли страна в состав метрополии в момент образования государства в метрополии и если не входила, а

⁸ «Поэтому невольно напрашивается вопрос: не сдать ли Бухару в аренду иностранцам, если мы сами в ней ничего сделать не можем?»; «если бы Англия владела Бухарою, то и Бухара в самое короткое время совершенно изменила бы свой вид, превратившись в культурную страну» [11, с. 153].

⁹ Сибирское областничество – общественно-политическое течение среди сибирской интеллигенции, с 60-х гг. до середины 90-х гг. XIX века стоявшее на революционно-демократических позициях борьбы с самодержавием, за демократические свободы.

¹⁰ И хотя, сравнивая Сибирь с Америкой, он называет её «нашими Соединёнными Штатами», сравнение с Австралией и Америкой – далеко не в пользу Сибири [20, с. 95, 141, 433, 449]. Неудивительно, что «войны, государственная жизнь не возбуждали здесь особого патриотизма. Во время Отечественной войны 1812 г. в Иркутске были построены триумфальные ворота, говорит предание, для приёма Наполеона...» [20, с. 444, 61].

присоединена после, то после присоединения страны применялась ли к ней так называемая колониальная политика» [14, с. 52]. Колонии имеют безусловное право на борьбу за равноправие, «более независимое положение от центра», более благоприятные условия развития своей территории и жизни населения.

Очевидно, что «обширная империя не может не расчлениваться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала сохраняться. Это расчленение должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в разных областях империи различны» [14, с. 64, 57]. Если эти факторы не учитываются, то колонии развиваются отнюдь «не в соответствии с благоприятными для прогресса местными условиями, а в зависимости от темпа жизни метрополии» [14, с. 63]¹¹.

Осуждение колониальной политики было характерно и для литературы марксистского толка. Не случайно в советской историографии в начальный период 1920-30-х гг. российские окраины открыто, по уже сложившейся традиции, называются колониями. Так, Галузо П.Г. в очерке «Туркестан-колония» (1929, 1935) характеризует российские владения в Средней Азии. О пагубных последствиях российского завоевания колоний в Туркестане пишет также Климович Л.И. «Разговоры о “пользе”, якобы приносимой народу русскими завоевателями, являются лишь неуклюжей ширмой для эксплуататорского лица её авторов» [9, с. 33, 34].

Подобные суждения звучат и в отношении других регионов, включая Поволжье и Приуралье, присоединённых к Московскому государству ещё в XVI в. По мнению Фирсова Н.Н., Казанское ханство после завоевания «превратилось в московскую колонию». Как и «всякую колонию» его постигла единая участь – «безудержная эксплуатация со стороны победителей» [16, с. 25]. Г.С. Губайдуллин вполне определённо выразил общее мнение (Ибрагимов Г.Г., Терегулов И.В., Воробьёв Н.И. и др.): причина обеднения татарских крестьян – расширение русской колонизации края [3, с. 151].

По мере укрепления имперских устоев в СССР¹², как было выше сказано, «российские колонии» постепенно сходят со страниц научных исследований, также исчезают аналогии с западноевропейскими колониальными империями. Россия представляется страной, в отношении которой неуместно апеллировать понятиями «метрополия» и «колония». Национально-освободительное движение в принципе начинает рассматриваться как второстепенное, несамостоятельное движение, целиком подчинённое интернациональной пролетарской борьбе за социализм.

Крах мировой колониальной системы, начавшийся в послевоенный период, несколько смягчил теоретические подходы. Термины «колониальная политика», «национально-колониальный гнёт», «национально-колониаторская политика» в 1960-90-е гг. широко используют ведущие специалисты в этой области (Михайлова С.М., Абдуллин

¹¹ На предложение прогрессивных реформ в Сибири губернатор Богданович ответил: «Ишь вы, захотели, чтобы колония пользовалась лучшими условиями жизни, чем метрополия» [14, с. 63].

¹² Империи по определению не бывают интегрированными. Укрепление имперской системы в СССР привело к актуализации борьбы за централизацию страны, борьбы с басмачеством, национал-уклонизмом и другими формами сепаратизма.

Я.Г., Усманов М.А. и др.)¹³. В контексте же общего ряда колониально зависимых территорий, совместной борьбы народов «против колонизаторов в Индии, Египте, Иране, России» допускаются в отношении Российской империи выражения «колониальное иго», «колониальный период», «антиколониальная борьба». Например, война на Кавказе под руководством Шамиля в энциклопедическом словаре «Ислам» (1991), наряду с другими освободительными выступлениями народов Азии и Африки, признаётся проявлением «антиколониальной борьбы» [8, с. 230].

Современная, крайне противоречивая литература, к сожалению, не внесла определённости в данный вопрос. Для неё характерны (по ряду объективных причин политического характера) безусловные признаки стремления к идеализации имперского прошлого России. Однако очевидно, что в целом, сложившаяся с XIX в., научная традиция признаёт Российскую империю колониальной державой с присущими в этом отношении атрибутами.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в концептуальном плане представляется весьма интересной проблема определения границ метрополии и колоний России, их исторической эволюции и смещения. Вероятно, метрополией изначально следует считать «историческое ядро» страны – территорию, сложившуюся к середине XVI в. В составе Московского государства, а впоследствии, и Российской империи именно этот регион составил территорию «средоточия имперской жизни, не только (а иногда и не столько) политический, сколько экономический, социальный, культурный узел имперской системы, стягивающий её» [7, с. 9]. По определению Потанина Г.Н., «Европейская Россия представляла компактную симметрично организованную торговую сферу, в состав которой Сибирь (как и другие колонии – А.Г., М.Г.) не включались» [14, с. 9].

Вплоть до XIX в. все путешественники, отечественные и иностранные, пересекавшие Россию с запада на восток, отмечали тот факт, что на границах Средней Волги собственно русская Россия заканчивается и начинается другой, отличный от среднерусского уклада, разноплеменный, восточный мир. Здесь, несмотря на то, что часть чуваш и марийцев Нижегородчины значительно обрусела, Лядов В.И. констатирует (1861): «за Сурой же эти народы до сих пор сохранили свои обычаи и веру почти неприкосновенными» [4, с. 61]. По мнению современного исследователя Горизонтова Л.Е., «восточный рубеж внутренней России фиксировался за Нижнем Новгородом, в окрестностях Чебоксар» [7, с. 29]. Однако по мере усиления колонизации края «Поволжье теряет характер колонии, - считает Мордовцев Д.Л., - и приобретает ... качества метрополии» [7, с. 30-31]. Примечательно, что, несмотря на смещение рассматриваемых «границ», для замечательного писателя, историка (поборника центробежных сил) был очевиден принципиальный раздел территории Российской империи на «метрополию» и «колонии».

К началу XX в. представления о российской «метрополии» и её «колониях» приобрели более определённые очертания. Например, в «Докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли.», представленной правительству 12 июля 1914 г., Россия рассматривается как, безусловно колониальная империя. Хотя, в

¹³ В советской историографии сложилась парадоксальная ситуация: колониальная политика в Российской империи была, а колоний не было (были окраины).

отличие от старых (Великобритания, Франция) и новых (Германия, Италия, Япония) колониальных держав она имеет «относительно слабо выраженную центральную часть» метрополии, в которую, по мнению авторов, входят «29 европейских губерний с преобладанием русского населения (так называемая Великороссия)» [19]. Наряду с классическими колониями, а также вассальными территориями (Бухарский эмират, Хивинское ханство), данный документ особо выделяет 10 сибирских и дальневосточных, а также 3 северокавказские губернии, в которых «большинство населения составляли переселенцы и их потомки из метрополии». Они характеризуются как, «так называемые переселенческие колонии, аналогичные британским доминионам» [19]. (Как видим, в отличие от неловких современных книксенов здесь выражена чёткая, вполне ясная позиция по вопросу о колониальном характере Российской империи, который, по признанию идеологов колониализма, признавался не только нормой, но и предметом национальной гордости.)

При этом проблематика антиколониального движения освещалась весьма скудно, более того подвергалась порой замалчиванию, особенно если это касалось освободительного движения русских колонистов. Например, дело сибирских областников (1865-1868)¹⁴ не получило широкой огласки. Лишь в 1907 г. Потанину Г.Н. в работе «Областническая тенденция в Сибири» удалось в общих чертах рассказать об этом. Вероятно, имперская администрация опасалась возможности объединения колонистов с национально-освободительным движением, поэтому всячески способствовала раздуванию антагонизма между туземцами и переселенцами, позиционируя себя единственным гарантом их выживания во враждебной среде. Неслучайно «эксцессы» Андижанского восстания 1898 г., Среднеазиатского восстания 1916 г. и др. так подробно живописала центральная и региональная печать.

В какой-то степени до определённого времени администрации удавалось вбивать национальный клин в освободительное движение. Показательно, что Потанин, переосмысливая опыт юности, в своей книге опускает категории революционной, антиколониальной борьбы, идеи образования Сибирской республики, фактически сводит движение областников 1860-х гг. к либеральному просветительству. Признавая проблему инородцев, он ничего не пишет о национально-освободительном движении, которое даже в Сибири в начале XX в. проявило себя в полной мере¹⁵. Для него жизнь инородцев – «туземцев», «дикарей» – объект культуртрегерской деятельности «господствующего в колонии племени» [14, с. 48, 50]. Вместе с тем в научном сообществе, как и в обществе в целом неуклонно усиливалось осознание того, что национально-освободительное движение в России является органичной частью назревающей антиколониальной революции.

¹⁴ «Дело о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего сибирского порядка и к отделению от империи».

¹⁵ Для Потанина Г.Н. в принципе характерна недооценка этноконфессионального фактора в областническом движении. По его мнению, даже в таких «обособленных этнографически областях как Польша и Малороссия, обособление зиждется главным образом на почве экономических интересов, а этнографические особенности служат только побочным средством для пропаганды» [14, с. 58].

Краткий историографический обзор показывает, что в отечественной научной литературе по вопросам характера взаимоотношений периферии и центра Российской империи имеются весьма широкие разночтения, как относительно понятийно-терминологического аппарата, так и теоретических подходов. Очевидно, что данное направление исторических поисков представляет собой самостоятельную и актуальную научную проблему, связанную с пониманием тенденций развития российской государственности в целом. Несмотря на наработанный научно-исследовательский потенциал, мы вынуждены констатировать, что объективное изучение проблем «российского колониализма» и «антиколониального движения» в России находится в постановочной стадии.

Литература:

1. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
2. Атлас всемирной истории. Италия: Ридерз дайджест, 2003. 344 с.
3. Газиз Г. История татар. Москва: Московский лицей, 1994. 190 с.
4. Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях / сост. В. Лядов. Санкт-Петербург: Типография П.А. Кулиша, 1861. 194 с.
5. Извлечения из писем Н.И. Ильминского к Н.П. Остроумову. Казань, 1900. 84 с.
6. Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору К.П. Победоносцеву. Казань: Изд. Редакции Православного Собеседника, 1895. 414 с.
7. Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: сборник материалов Международной научной конференции / науч. ред. А.О. Чубарьян. Москва: ИВИ РАН, 2007. 491 с.
8. Ислам: энциклопедический словарь. Москва: Наука, 1991. 315 с.
9. Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. Москва: ОГИЗ, Гос. антирелигиозное изд-во, 1936. 407 с.
10. Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905-1917 гг.). Москва: Энттер-Графико, 2008. 201 с.
11. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Санкт-Петербург: Изд. В. Березовского, 1909. 239 с.
12. Местное обозрение // Среднеазиатский вестник. 1896. Март. С. 57-70.
13. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. Санкт-Петербург, 1868. 176 с.
14. Потанин Г. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907. 64 с.
15. Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. Санкт-Петербург, 1897. 330 с.
16. Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. Казань: Академич. центр Татнаркомпроса, 1926. 45 с.
17. Чередниченко И.Г. Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания [Электронный ресурс] // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Международной научной конференции (24-26 сентября 2004 г.). Иркутск. Иркутский МИОН: URL:

http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/3_4.html (дата обращения: 30.07.2018).

18. Шиле. Крымские татары // Природа и люди. 1879. Февраль. С. 1-52.

19. Экономика Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://dalmate.ru/muzej/item/318.html> (дата обращения: 30.07.2018).

20. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Санкт-Петербург, 1882. 471 с.

21. Письма из Алжира. V. // Русское слово. 1860. Апрель.

Literature:

1. Arsenyev K.I. *Statistical essays of Russia*. SPb.: the Imperial Academy of Sciences publishing house, 1848. 503 p.

2. *Atlas of World history. Italy: Readers' Digest*, 2003. 344 p.

3. Gaziz G. *History of the Tatars*. Moscow: Moscow Lyceum, 1994. 190 p.

4. *The European Russia in physical and ethnographic relations / Comp. by V. Lyadov*. SPb.: Publishing house of P.A. Kulish, 1861. 194 p.

5. *Extracts from N.I. Ilminskiy's letters to N.P. Ostroumov*. Kazan, 1900. 84 p.

6. Ilminskiy N.I. *Letters of N.I. Ilminsky to the ober-prosecutor K.P. Pobedonostsev*. Kazan: Edition of the Orthodox Interlocutor editorial office, 1895. 414 p.

7. *Imperial and national management models: Russian and European experience: coll. of materials of the International Scientific Conference / scientific editor -A.O. Chubaryan*. M.: IVI RAS, 2007. 491 p.

8. *Islam: Encyclopedic Dictionary*. M.: Nauka, 1991. 315 p.

9. Klimovich L. *Islam in the Tsarist Russia: essays*. M.: OGIZ, state antirel. publishing house, 1936. 407 p.

10. Kotyukova T.V. *Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905-1917)*. M.: Enter-Graphico, 2008. 201 p.

11. Logofet D.N. *Country of Lawlessness. Bukhara Khanate and its current state*. SPb.: V. Berezovsky's publishing house, 1909. 239 p.

12. *Local Review // Central Asian Bulletin*. 1896. March. P. 57-70.

13. Pashino P.I. *The Turkestan region in 1866. Travel notes*. SPb., 1868. 176 p.

14. Potanin G. *The regional tendency in Siberia*. Tomsk, 1907. 64 p.

15. Rybakov S.G. *Music and songs of the Ural Muslims with an essay of their life*. SPb., 1897. 330 p.

16. Firsov N.N. *Past of Tataria*. Kazan: Academic Center of Tatnarcompros, 1926. 45 p.

17. Cherednichenko I.G. *Siberian regionalists on the role of the local press in the development of regional identity [Electronic resource] // Siberia: a look from outside and inside. The spiritual dimension of space: materials of the International Scientific Conference. (September 24-26, 2004). Irkutsk. Irkutsk MION: URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/3_4.html (appl. date: 07/30/2018)*.

18. Schiele. *The Crimean Tatars // Nature and people*. 1879. February. P. 1-52.

19. *Economy of the Russian Empire [Electronic resource] URL: <http://dalmate.ru/muzej/item/318.html> (appl. date: 07/30/2018)*.

20. Yadrintsev N.M. *Siberia as a colony*. SPb., 1882. 471 p.

21. N. *Letters from Algeria. V. // The Russian word*. 1860. April.